

Моя работа с Прокофьевым

3 мая 2000 года исполняется 80 лет со дня рождения Анатолия Ивановича Ведерникова (1920—1993), одного "из самых интересных, серьезных, ищущих наших пианистов" (М. Сабина. "Звучит вновь". "Известия", 1963, 3 декабря).

Анатолий Иванович прошел большой творческий путь. Его концертная деятельность длилась более 60 лет. Начинаясь она в Харбине, где родился пианист и получил начальное образование. Имя юного пианиста было хорошо известно в Харбине, Шанхае, городах Японии уже в начале 30-х годов. После возвращения семьи в Россию он поступил в Московскую консерваторию, где учился у Г. Г. Нейгауза. Концертный репертуар А. И. Ведерникова очень обширен — композиторы-классики, представители романтизма, современная русская и зарубежная музыка. Пианиста недаром причисляли к музыкантам-просветителям — он смело включал в свой репертуар сочинения современников, часто становясь первым их исполнителем в нашей стране. Безупречное мастерство, художественный вкус снижали А. И. Ведерникову известность в музыкальных кругах.

Особое место в творческой биографии пианиста занимает его общение с С. С. Прокофьевым. А. Ведерников был первым исполнителем Четвертого концерта для фортепиано с оркестром Вдуг (для левой руки) — 17 ноября 1959 года, Пятой сонаты для фортепиано — 2 февраля 1954 года. В его репертуаре постоянно были Четыре пьесы для фортепиано ор. 4, Десять пьес ор. 12, "Мысли" ор. 62, Третья, Пятая, Седьмая, Восьмая и Девятая сонаты, Первый, Третий, Четвертый концерты. А. И. Ведерников — автор переложений для фортепиано ряда симфонических произведений Прокофьева — Пятой симфонии (в 2 руки), Седьмой симфонии (в 4 руки), "Встречи Волги с Доном" (в 2 руки), а также балета "Каменный цветок".

В 90-е годы японская фирма "Depon" предприняла издание исполнительского наследия А. И. Ведерникова, собранного в различных звуковых архивах О. Ю. Ведерниковой. К 2000 году выпущено 25 компакт-дисков.

"Частые разговоры пианиста А. И. Ведерникова с Сергеем Сергеевичем о новом произведении для фортепиано послужили конкретным поводом к решению написать концерт № 6 для двух фортепиано и струнного оркестра. Сергей Сергеевич был очень доволен тем, как сделал Ведерников переложение его Седьмой симфонии для фортепиано в 4 руки, и хотел видеть в его переложении балет "Сказ о каменном цветке", — вспоминает М. А. Мендельсон-Прокофьева (С. С. Прокофьев. Материалы. Документы. Воспоминания. М., 1961. С. 382—383).

Ниже публикуются воспоминания А. Ведерникова о С. С. Прокофьеве. Это фрагмент из сборника "Анатолий Ведерников", который готовится к изданию. Составитель — вдова пианиста Ольга Юльевна Ведерникова.

И. Б.

Боюсь, что смогу рассказать о Прокофьеве не так много. Во-первых, это было давно!.. Двадцать пять лет назад. А во-вторых, я был молодым человеком, занимался множеством дел, концертировал. Работа, связанная с Прокофьевым, была для меня тогда только одним из множества дел. Я не задумывался над тем, что наши встречи дадут когда-нибудь повод вспомнить о личности Прокофьева. Наверное, я мог бы быть внимательней, что-то записать тогда же.

Я стал встречаться с Прокофьевым на рубеже 50-х годов и помню его таким, каким он был тогда. Мне кажется, он был уже надломлен. Его музыка тех лет лишена напора, дерзости, колоссальной смелости прежнего, более раннего Прокофьева. Его феноменальная пианистическая техника к тому времени исчезла совсем. Когда он захотел сыграть новую редакцию Пятой сонаты и сел к инструменту, руки его плохо слушались. Пришлось играть мне. А ведь у меня и по сей день на памяти впечатление от того, как играл он свой Третий концерт! Впечатление грандиозное. Но это было до войны. Еще дважды, примерно тогда же, видел я Прокофьева на эстраде: один раз, когда я дирижировал исполнением "Гадкого утенка", и пела его жена Лина Любера; и второй, когда тоже под управлением автора игралась сюита "Ала и Лоллий".

Прокофьеву меня рекомендовали, по-видимому, два Славы: Рихтер

и Ростропович. Сказали ему, что я увлекаюсь партитурами. И как-то мне передали, что для меня у Прокофьева есть работа, и я поехал к нему на дачу. Должен сразу сказать, что отношения, которые тогда возникли и продолжались несколько лет, были именно деловыми. Очень спокойными, доброжелательно-деловыми. Работа оказалась непростой. Сначала было нелегко, а срок мне поставили жесткий. Приходилось трудиться как следует. Прокофьев требовал аккуратности, и я писал партитуру четко, мелкими нотами. Постепенно, когда привык к его рукописи — клавиру с разметкой для инструментов, — работа пошла быстрее.

Прокофьев считал, что сделал революцию в партитурной записи, начав писать все партии in C. Но дирижеры это новшество не приняли, им удобнее было читать партитуру, как они привыкли.

После работы, за столом, за чаем, беседы носили характер достаточно светский. Прокофьев отдыхал, ну и не в его манере было раскрываться перед другими. Меня тогда очень интересовал Хиндемит и за столом однажды спрашиваю:

— Сергей Сергеевич, вы знакомы с Хиндемитом. Как вы к нему относитесь?

Он сказал: — Приятный человек. Ответ недвусмысленно отвел мою попытку втянуть Прокофьева в серьезное обсуждение.

(Окончание на 8-й стр.)

На снимке: Анатолий Ведерников. 1985 год. Черноголовка.